

УДК 94(47).084.3

Д. В. Колчинский

аспирант

Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина, г. Тамбов, Россия

ПОЛИТИЧЕСКОЕ СОЗНАНИЕ РОССИЙСКОГО КРЕСТЬЯНСТВА В 1917 ГОДУ (ПО МАТЕРИАЛАМ ТАМБОВСКОЙ ГУБЕРНИИ)

Аннотация. Рассматривается влияние российской революции 1917 г. на трансформацию политического сознания крестьян Тамбовской губернии, анализируется восприятие российской деревней новой революционной власти, участие сельского населения в политике. Дается обзор печатных изданий того времени.

Ключевые слова: революция 1917 г., Тамбовская губерния, политическое сознание, крестьяне, власть.

D. V. Kolchinsky

Postgraduate student

Tambov State University named after G.R. Derzhavin, Tambov, Russia

THE POLITICAL CONSCIOUSNESS OF THE RUSSIAN PEASANTRY IN 1917 (BASED ON THE TAMBOV PROVINCE)

Abstract. Article deals with the influence of the Russian Revolution of 1917 the transformation of the political consciousness of peasants Tambov province. It is analyzed the perception of the Russian village of the new revolutionary government, participation of the rural population in politics.

Key words: Revolution of 1917, Tambov province, political consciousness, the peasants, the authority.

Исследование политической культуры российского общества в революции 1917 г. невозможно без анализа политического сознания отдельных его страт и сословий, самым многочисленным из которых было крестьянство (так, к 1914 г. крестьянство составляло 85% населения России [12, с. 61]).

Крушение монархии и смена государственного строя в России в феврале 1917 г. не оставили равнодушным крестьянский мир. И, хотя вера в царя была уже внешне утеряна, «наивный монархизм» еще не был стерт из крестьянского сознания и проявлялся, прежде всего, в характере восприятия крестьянами новой власти в лице Временного правительства. В первых телеграммах, присланных на имя министра-председателя князя

Г.Е. Львова, крестьяне выражали готовность следовать новому политическому курсу, об отречении царя даже не вспоминалось, некоторые современники отмечали только отдельные высказывания в пользу Михаила [5, с. 28], которые не могли повлиять на мировосприятие всей сельской общины.

Поземельная, соседская община обуславливала характер политического воспитания российского крестьянства. Несмотря на формальное отсутствие у большинства подданных Российской империи гражданских прав и свобод, низкий общекультурный уровень, крестьяне все же обладали, хоть и неразвитым, политическим и правовым сознанием, достаточным для должного существования в рамках крестьянского «мира». Домохозяева участвовали в управлении общиной на сходах путем избрания представителей волостной администрации (волостных старшин, писарей и т.д.), в результате реформ 1860–1870 гг. крестьяне получили право участвовать через сельские общества в выборах гласных в уездные и губернские земства. Им не возбранялось обсуждать царские манифесты об объявлении войны и мира и прочих событиях, зачитанные в церквях либо на центральной площади села. Наступивший XX век, русско-японская война и революция 1905–1907 гг. вовлекали крестьян в политическую жизнь империи, а после провозглашения населению гражданских свобод (Манифест 17 октября 1905 г.) – в избрание выборщиков Государственных дум от сельских обществ, а косвенно – и в работе самих Дум, куда они посылали свои «приговоры» и наказания. Весьма показательно, что в составе 1-й и 2-й Государственных дум, выборы которых проходили относительно свободно, без применения властями избирательных технологий, 20 из 24 тамбовских депутатов были крестьянами. Просуществовав как высший представительный и законодательный орган власти до 1917 г., Думы способствовали введению политики в жизнь российской деревни, содействовали трансформации общинной крестьянской культуры, изменению политического сознания. По-своему, через обострение внутрикрестьянских противоречий, способствовало этому и столыпинское аграрное переустройство.

Первоначальная реакция крестьян на известие о свержении монархии, пришедшее в тамбовскую деревню в начале марта 1917 г., была шоковой, наступила растерянность в обстановке внезапно наступившего безвластия. Но уже вскоре они сориентировались в ней и, действуя не столько по политическому расчету, сколько руководствуясь мужицким практическим умом, стали изгонять из своей среды лиц, настроенных против общины, неудобных им сельских должностных лиц, обычно

ставленников крупных землевладельцев. Так произошло в с. Конабееве Шацкого уезда, где волостной сход 15 марта 1917 г. потребовал уволить управляющего имением князей Воронцовых-Дашковых. Днем ранее крестьяне с. Липяги Спасского уезда потребовали от управляющего имением землевладелицы Жилинской выселить из усадьбы всех служащих и передать все имение в пользование сельского общества. В ряде имений без предъявления каких-либо требований крупным землевладельцам крестьяне уже к 20 марта начали массовые порубки частного леса, как то было в имении Белоусова в Темниковском уезде [4, с. 30, 32].

Аналогичные случаи были и в других местах. Крестьянский сход с. Петрово-Соловово (Кирсановский уезд) составил приговор об удалении из села управляющего имением графа Перовского, служившего и прожившего рядом с ними более 40 лет [3, д. 21. Л. 113 об.]. Нежелание крестьян находиться рядом с людьми, которых они воспринимали если не чужими по жительству, то чуждыми общине по духу, выразительно и многозначительно проявленными в этом чертами общинного сознания: это и стремление избавиться от вмешательства в ее дела извне, будь то городская власть или соседний помещик, это и желание не упустить момент для решения своих проблем, это и растущее понимание собственной силы и значимости, позволяющих диктовать власти свои условия. От этого не так уж далеко было до выступления крестьянства как самостоятельной политической силы, что оно и продемонстрировало в Тамбовской губернии осенью 1917 г., затем весной 1918 г., наконец, размахом крестьянского повстанческого движения («Антоновщина») в 1920–1921 гг.

Конечно, не стоит за каждым конкретным, пусть и самым радикальным, крестьянским действием искать глубинный политический смысл – в конечном счете, в подоснове социального поведения крестьян лежали все те же продиктованные природой и условиями жизненного существования принципы «моральной экономики», психологии выживания. Но решения, проходившие через общинные сходы, сельские и волостные правления, как, впрочем, и обнаружившееся вскоре бессилие вышестоящих властей в их попытках умиротворить деревню, придавали крестьянам уверенность если не в полной законности производимых ими действий, то, во всяком случае, в своей безнаказанности. Крестьяне уже в марте 1917 г. ощутили вкус «черного передела» земли и собственности и только заверения власти и обещания партийных агитаторов сделать это скоро и

надлежащим образом удержали их от того, чтобы осуществить это немедленно.

Как и в некоторых других губерниях, в Тамбове прошли губернские крестьянские съезды. Первый состоялся уже 6–7 апреля 1917 г. Он был созван деятелями оргбюро Всероссийского крестьянского союза, в нем участвовало свыше 300 делегатов от волостей. Партийный состав съезда неизвестен, но, судя по его резолюциям, он был проэсеровским. Принятая резолюция об образовании местных земельных комитетов обязывала их разрешать конфликты между помещиками и крестьянами, возникавшими на почве «непомерно высоких арендных цен» на землю и оплаты труда батраков, принимать меры к обработке незасеянных земель, включая помещичьи и монастырские [11, с. 58]. Съезд избрал совет Крестьянского союза Тамбовской губернии.

Уже 21–24 мая в Тамбове состоялся 2-й губернский крестьянский съезд с участием до 600 делегатов. Он проходил уже под налаженным контролем губернского комитета эсеров, о чем свидетельствовал Я.Э. Рудзутак, известный впоследствии большевик, а в ту пору разъездной инструктор Московского областного бюро советов.

22 мая съезд принял резолюцию, которая требовала от Временного правительства немедленно запретить помещикам продавать землю, постройки, скот, инвентарь, дать право волостным и уездным комитетам взять на учет все имущество помещиков, использовать по мере надобности их инвентарь, регулировать условия аренды земли. До издания правительственного постановления по этому вопросу съезд установил, чтобы подготовку и проведение этих мер взяли на себя волостные и уездные продовольственные и земельные комитеты [11, с. 59].

Таким образом, самочинные действия крестьян получили политическое оформление и некую правовую санкцию, становясь следующей ступенью в развитии политического сознания крестьянской массы. Это решение съезда оказало «большое революционизирующее влияние на крестьян. Во многих селах Кирсановского, Усманского, Козловского, Тамбовского и других уездов они отказывались от арендных платежей и самовольно захватывали помещичьи земли» [7, с. 58].

Держа в уме привычное имущественное деление крестьян на «кулаков», «середняков» и «бедняков», исследователь не может применить его к политической культуре крестьянства, ибо она не поддается количественному измерению. Степень политической активности крестьян, по-видимому, в большей мере, особенно в первые месяцы революции, определялась их

приобщенностью к городской жизни, к каким-то внедеревенским формам общественного бытия. Заметно, что первыми проводниками политического влияния в деревне стали солдаты близлежащих гарнизонов либо солдаты-отпускники – те же крестьяне, но уже «революционно подкованные». В крестьянской среде они воспринимались как «свои», что придавало их словам и делам особый авторитет, часто непререкаемый. Начиная с апреля 1917 г., по мнению О.А. Суховой, «крестьянское «неведение» и растерянность, вызванные отсутствием достоверной информации о событиях февраля – марта 1917 г., постепенно сменялись, как следует из воспоминаний крестьян, утверждением в коллективном сознании «солдатской правды» о перевороте». Именно их приезд в родные села и пропаганда революционных идей свободы стали результатом «интерпретации факта свержения самодержавия как сигнала к «черному переделу» [13, с. 442]. Эти сигналы, призывы солдат к активным захватным действиям как бы легитимизировали в глазах крестьян дальнейшие погромы барских усадеб. С другой стороны, требования крестьян о передаче им земли без выкупа с условием, что в дальнейшем ей будет иметь право пользоваться «...тот, кто сам ее обработал», с отменой частной собственности на землю, «...чтобы земли нельзя было продавать и покупать» [4, д. 2], звучали уже политическим вызовом помещикам, церковникам и прочим крупным земельным собственникам.

Синкретизм крестьянской ментальности наглядно проявился и в том, что в сферу его политического сознания легко вписалась такая патриархальная черта как ожидание «пророка», толкователя действий власти. В высшей степени выразительно, что в Учредительное собрание именно крестьяне, давшие до 90% всех поданных голосов в Тамбовской губернии, составившей отдельный избирательный округ, избрали 8 своих братьев, вернувшихся с многолетней политической каторги только в марте 1917 г. (П.И. Ильин, В.Д. Киселев, Г.Н. Кондратенков, Е. Н. Меркулов, И.Д. Набатов, А.Г. Одинцов, И.И. Рябов, Ф.Д. Чернышев), явно отдав им предпочтение перед публичными, идейно подготовленными политиками. «Страдание за народ» в их глазах было высшей аттестацией для будущего парламентария и знаком доверия.

«Большая» политика, проводимая новыми революционными властями, российскую деревню по-настоящему не занимала. Она была куда больше встроена в природу, чем в государственную и общественную жизнь, события которой тоже воспринимала сквозь призму своего мировосприятия как напасти, к

которым надо примениться, притерпеться, если уж нельзя их избежать. «Лапотную», «мужичью» деревню в имперской России высшие сословия не просто не допускали к обсуждению вопросов общегосударственного масштаба, но и решали за нее, на каких условиях ей существовать. Поэтому Февраль 1917 г., не вызвав в крестьянской среде восторгов по поводу свобод гражданских (их крестьянам еще нужно было разъяснить), пробудил ее к активным погромным действиям, в рамках особого понимания пришедшей «свободы» как вседозволенности.

Такое понимание свободы выразилось, в частности, в том, что они ощутили ее как законное право на месть или возмездие, находя его справедливым и осуществляя его в самых разнообразных формах. Так, в соседней Саратовской губернии крестьяне имение князя В. В. Сабурова сожгли, а его самого изрубили топорами за то, что его сын, будучи земским начальником, в 1906 г. публично повесил 12 крестьян [1, с. 181–182]. В Абакумовской волости (Тамбовский уезд) крестьяне публично осквернили прах Г.Н. Луженовского, убитого М.А. Спиридоновой в январе 1906 г. за издевательства над бунтовавшими мужиками. В других случаях дело ограничивалось угрозами. Так, Княже-Богородицкий волостной старшина Ильин потребовал от землевладельца Н.Ф. Хвоцинского «под страхом ответственности даже до расстрела» сведения о количестве скота [4, с. 25].

Стоит отметить, что месть осуществлялась не только по социальному признаку: общинники могли поиздеваться и над односельчанином, если тот нарушил основные принципы мирного соседства. Так, в мае крестьяне с. Коробовки (Усманский уезд) поймали вора-односельчанина и, сильно избив, запрягли в телегу и заставили его катать всех по селу [15]. Ритуальная жестокость крестьянских самосудов сохранялась и при новых порядках как норма обычного права.

Вообще, крестьяне не «впускали» политику глубоко в себя и зачастую играли на этом, используя свой аполитизм как защитное средство. Производя погромы, они оправдывали их своей безграмотностью, отсутствием кругозора, темнотой, не без политического лукавства перекладывая вину за содеянное на царя и его чиновников. «Мы крестьяне, труженики на своей земле, люди несведущие, темные, не знаем, что творится на белом свете, газет не читаем, никто нам не привозил книг, чтобы познакомить нас с переворотом старого режима», – оправдывались жители с. Козьмодемьяновки перед Кирсановским советом за разгром имения помещицы А.В. Апушкиной (август 1917 г.) [3, д. 14. Л. 94].

Примечательно, что подобные документы-оправдания встречаются с конца лета – начала осени, когда в губернии окончилась властная неразбериха и крестьяне почувствовали, что за свои неправомерные действия нужно будет нести ответственность. И хотя некоторые исследователи считают, что крестьяне не задумывались о коренном институциональном переустройстве общероссийской власти [14, с. 85], они, по своей расчетливости, боязни власти как силы принуждения, старались «на всякий случай» снять свою вину перед нею за прошлые прегрешения.

Вспышки «стадной» ярости, вымещавшейся на находившихся рядом объектах (будь то господский дом, сам помещик или даже его скот, служащие и т.п.) с последующим коллективным «признанием вины», были явным следствием общинной крестьянской психологии, отмененной законом, но сохранившейся в умах и сердцах крестьян круговой поруки. Наличие предрасположенности на роль жертвы (виктимность) было для крестьянина гарантией того, что он сможет выжить и в общине, и при конфликте с государством, снимало лично с него моральную ответственность.

Причиной особого азарта крестьян Тамбовской губернии во время дележа имений осенью 1917 г. было известное и одобряемое крестьянами, изданное губернскими властями в середине сентября 1917 г. «Распоряжение № 3». Оно стало своеобразным предвестником ленинского Декрета о земле, фактически отдавшего все земли помещиков во власть волостных земельных и продовольственных комитетов с последующей передачей угодий крестьянам на условиях аренды. Видный экономист А.Н. Литовченко, один из теоретиков чаяновской «организационно-производственной школы», отмечал, что «по отношению к внешнему миру каждая волость выступала самостоятельной единицей, считавшей полной своей собственностью всю землю, находящуюся в ее пределах. Благодаря волостному сепаратизму помещичьи и казенные земли захватывались, как правило, только близлежащими селами» [6, с. 536]. Уверенность крестьян в том, что земля находится уже в их распоряжении, предохраняла имения от разгрома, а то и полного уничтожения. «Среди общего разгрома имений остались совершенно нетронутыми два крупнейших имения – Вырубова и Рымарева. ...Вырубовцы и бибиговцы (жители близлежащих к имениям сел – Д. К.) на все покушения дали энергичный отпор и заявили, что с изданием закона о переходе всей земли к народу эти имения перейдут к ним, а расхищать и портить свое имущество они не позволят», -

писала газета «Русское слово» о ситуации в Козловском уезде в октябре 1917 г. [10] Внутренняя организованность действий крестьян, руководимых общиной, при полнейшем их безразличии к закону, предопределила характер их взаимоотношений с землевладельцами. Общинные захваты помещичьих земель были «стихийным большевизмом», одобряемым крестьянами. Крестьянство не желало жить по указке сверху. Оно «было далеко от таких абстрактных ценностей, как государственность, демократия, парламентаризм, стремилось жить своей жизнью, спеша воспользоваться плодами революции» [8, с. 75].

Большевистский захват власти в стране крестьяне восприняли довольно равнодушно. Но спустя некоторое время, с проникновением в российскую глубинку известий о принятии большевиками двух важнейших для жизни крестьянина декретов – «О мире» и «О земле» – российская деревня на деле стала поддерживать новую власть. Разумеется, крестьян не интересовала мировая революция, которой грезили лидеры большевизма. Главное, что «большевизм» понимался крестьянами как оправдание своих погромных действий, грабежа и раздела угодий крупных земельных собственников. Так, в ноябре 1917 г. «вспыхнул» Усманский уезд [9], причем крестьяне заведомо выбирали жертвы и, по предварительной договоренности между селами, поочередно делили богатые помещичьи имения, громили зажиточных хуторян, растаскивали имущество священников [1, с. 205]. Со своей стороны, центральная власть, представленная в Совнарком большевиками и левыми эсерами, до весны оставила деревню в покое, вплотную занявшись укреплением собственных позиций в городах.

Список литературы

1. Булдаков В. П. Красная смута. Природа и последствия революционного насилия / В.П. Булдаков. — М. : РОССПЭН, 1997. — 376 с.
2. Государственный архив Тамбовской области (ГАТО). Ф. 1058. Оп. 1.
3. ГАТО. Ф. Р-17. Оп. 1.
4. Крестьянское движение в Тамбовской губернии (1917 – 1918): Документы и материалы. — М. : РОССПЭН, 2003. — 408 с.
5. Курск в революции. Сборник материалов по истории Октябрьской революции в Курском крае. 1917 – 1918 гг. — Курск, 1927.
6. Литошенко Л.Н. Социализация земли в России / Л.Н. Литошенко. — Новосибирск : Изд-во Сибирский хронограф, 2001. — 531 с.

7. Очерки истории Тамбовской организации КПСС. — Воронеж, 1970. — С.87.
8. Протасов Л. Г. Всероссийское Учредительное Собрание: История рождения и гибели / Л.Г. Протасов. — М. : РОССПЭН, 1997. — 368 с.
9. Русское слово. 1917. 17 ноября.
10. Русское слово. 1917. 2 октября.
11. Смирнов А.С. Крестьянские съезды в 1917 году / А.С. Смирнов. — М. : Мысль. — 1979. — 243 с.
12. Статистический ежегодник России. 1914 г. (год одиннадцатый) / ЦСК МВД. — Пг., 1915. — Отд. I.
13. Сухова О.А. Десять мифов крестьянского сознания. Очерки истории социальной психологии и менталитета русского крестьянства / О.А. Сухова. — М. : РОССПЭН, 2008. — 679 с.
14. Телицын В.А. Октябрь 1917 г. и крестьянство: переосмысление историографической традиции // Взаимодействие государства и общества в контексте модернизации России. Конец XIX – начало XX в. — Тамбов, 2001.
15. Усманская газета. 1917. 9 мая.

References

1. Buldakov V. P. *Krasnaia smuta. Priroda i posledstviia revoliutsionnogo nasiliia* [Red distemper. Nature and consequences of revolutionary violence]. Moscow, ROSSPEN Publ., 1997, 376 p.
2. *Gosudarstvennyi arkhiv Tambovskoi oblasti = State archive of the Tambov region*. F. 1058. Inv.1.
3. *Gosudarstvennyi arkhiv Tambovskoi oblasti = State archive of the Tambov region*. F. 17. Inv.1
4. *Krest'ianskoe dvizhenie v Tambovskoi gubernii (1917 – 1918): Dokumenty i materialy* [The country movement in the Tambov province (1917 – 1918): Documents and materials]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2003, 408 p.
5. *Kursk v revoliutsii. Sbornik materialov po istorii Oktiabr'skoi revoliutsii v Kurskom krae. 1917 – 1918 gg.* [Kursk in revolution. The collection of materials on stories of October revolution in Kursk edge. 1917 – 1918.]. Kursk, 1927
6. Litoshenko L.N. *Sotsializatsiia zemli v Rossii* [Socialization of the earth in Russia]. Novosibirsk, Izd-vo Sibirskii khronograf Publ., 2001, 531 p.
7. *Ocherki istorii Tambovskoi organizatsii KPSS* [Sketches of history of the CPSU Tambov organization]. Voronezh, 1970, p.87
8. Protasov L. G. *Vserossiiskoe Uchreditel'noe Sobranie: Istoriia rozhdeniia i gibeli* [All-Russian Constituent Assembly: History of the birth and death]. Moscow, ROSSPEN Publ., 1997, 368 p.
9. *Russkoe slovo = Russian word*, 1917, 17 November
10. *Russkoe slovo = Russian word*, 1917, 2 October

11. Smirnov A.S. *Krest'ianskie s"ezdy v 1917 godu* [Country congresses in 1917]. Moscow, Mysl' Publ., 1979, 243 p.
12. *Statisticheskii ezhegodnik Rossii. 1914 g. (god odinnadtsaty)* [Statistical year-book of Russia. 1914 (year the eleventh)]. TsSK MVD Publ., 1915, I.
13. Sukhova O.A. *Desiat' mifov krest'ianskogo soznaniia. Ocherki istorii sotsial'noi psikhologii i mentaliteta russkogo krest'ianstva* [Ten myths of country consciousness. Sketches of history of social psychology and mentality of the Russian peasantry]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2008, 679 p.
14. Telitsyn V.L. *Oktiabr' 1917 g. i krest'ianstvo: pereosmyslenie istoriograficheskoi traditsii* [October, 1917 and peasantry: reconsideration of historiographic tradition]. Tambov, 2001.
15. *Usmanskaia gazeta = Usmansky newspaper*, 1917, 9 May.

Информация об авторе

Колчинский Дмитрий Владимирович – аспирант, Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина, 392002, г. Тамбов, ул. Советская 6, e-mail: kolchinskyd@mail.ru.

Authors

Kolchinsky Dmitry Vladimirovich – Postgraduate student, Tambov State University named after G.R. Derzhavin, 6 Sovetskaya Street, Tambov, 392002, Russia, e-mail: kolchinskyd@mail.ru.